А. В. ПЕТРОВ, Т. Е. АБРАМЗОН, В. В. ЦУРКАН

Анализ лирического сюжета на занятиях по теории и истории литературы в вузе (на материале оды М. В. Ломоносова «На новый 1764 год»)

В статье предлагается оригинальный подход к изучению на занятиях по литературе в вузе сюжета лирического стихотворения, относящегося к доромантической эстетической системе – классицизму. Материалом изучения послужила последняя ода М. В. Ломоносова – «На новый 1764 год». Согласно гипотезе авторов статьи, в этой оде Ломоносов, опираясь на свой творческий и жизненный опыт, не столько восторгается «добротами» императрицы, сколько рефлексировал, в доступных ему формах нормативного искусства, над феноменом Времени. В результате в оде возникает «сюжет времени». Он не является завершённым и целостным, но складывается из слов, образов и формул с темпоральным значением. Для его вычленения из текста и последующей интерпретации предлагается использовать метод «комментированного аналитического пересказа». Этот последний позволяет обнаружить в оде «лирический нарратив» о «золотом веке» и той роли, которую играют в его осуществлении императрица Екатерина II и сам поэт-учёный. В рамках «сюжета времени» выделен также «соларный сюжет» – «рассказ» о смене времён года в России. Его анализ даёт право утверждать, что Ломоносов достиг недоступного никому из его современников-поэтов уровня художественной детализации. Пафосом последней оды Ломоносова становится утверждение идеи общепольной деятельности во благо страны.

Ключевые слова: Ломоносов, жанр торжественной (эпической) оды, методика преподавания литературы в вузе, комментированный пересказ, лирический сюжет, топос, тема времени, тема природы

Ссылка для цитирования:

Петров А. В., Абрамзон Т. Е., Цуркан В. В. Анализ лирического сюжета на занятиях по теории и истории литературы в вузе (на материале оды М. В. Ломоносова «На новый 1764 год») // Перспективы науки и образования. 2019. № 1 (37). С. 161-179. doi: 10.32744/pse.2019.1.12

A. V. PETROV, T. E. ABRAMZON, V. V. TSURKAN

The analysis of the lyrical plot on classes of the theory and history of literature in university (in accordance with the material of the ode of Mihail Lomonosov "On New Year 1764")

In the article original approach to studying on classes of literature at the university a plot of the lyric verse which related to the esthetic system of classicism is offered. The last ode by Mihail Lomonosov "On New Year 1764" was material of studying. According to the hypothesis of authors of the article, in this ode Lomonosov, relying on the creative and life experience, not so much admires the empress's "kindnesses" as he cogitates in forms of normative art available to him over the Time phenomenon. "Plot of time" emerges in the ode as a result. It is not complete and integral, but it consists of words, images and formulas with temporal meaning. The authors of the article offered to use a method of commented analytical exposition to find a "plot of time" in the text for the following interpretation. This method allows to find the "lyrical narrative" in the ode about "Golden Age" and the role which is played in its implementation by the empress Catherine II and the poet-scientist himself. Within the framework of the "plot of time" the "solar plot" is also emphasized – it is the "story" about a change of seasons in Russia. Its analysis grants the right to claim that Lomonosov reached inaccessible to none of his contemporary poets level of art specification. The pathos of the last ode of Lomonosov is in the statement of the idea of socially useful activity for the good of the country.

Key words: Lomonosov, genre of the solemn (aeonic) ode, technique of teaching literature in university, commented exposition, a lyrical plot, topos, subject of time, subject of nature

For Reference:

Petrov, A. V., Abramzon, T. E., & Tsurkan, V. V. (2019). The analysis of the lyrical plot on classes of the theory and history of literature in university (in accordance with the material of the ode of Mihail Lomonosov "On New Year 1764"). *Perspektivy nauki i obrazovania – Perspectives of Science and Education*, 37 (1), 161-179. doi: 10.32744/pse.2019.1.12 (In Russ., abstr. in Engl.)

Постановка проблемы

Изучение поэзии (русского) классицизма, а именно поэзии М. В. Ломоносова, в вузе на занятиях по теории и истории литературы имеет свою специфику по сравнению с уроками литературы в школе [7; 15; 16]. Помимо того, что задачи, характерные для школьных уроков, как то: представление «биографического мифа» Ломоносова, развитие эмоциональной сферы учащихся, ознакомление их с довольно архаичными литературными явлениями (классицизм, одический жанр, «высокий стиль» и его приметы) и идеологией (просвещенный абсолютизм) – требуют в вузе углубления и корректировки, необходимо «вооружить» студентов первых курсов учительских и филологических специальностей также и действенной научной методологией.

Анализировать оду, придерживаясь тех же целевых установок, что и при рассмотрении стихов поэтов XIX–XX вв., малопродуктивно. В этом жанре нет привычного «лирического героя», ожидаемых – интимных – авторских чувств и эмоций – «внутреннего мира» поэта, его самораскрытия. В оде с трудом можно найти индивидуализированные образы, психологические и предметные детали, причем функции этих последних далеко не такие же, как в лирике последующих столетий. Освоенный в целом школьниками троп – метафора – вытеснен в одическом жанре более условной и потому более сложной для восприятия и интерпретации образностью – эмблемами, персонификациями, метонимиями, аллегориями, перифразами и др. Непривычен в торжественной оде, в сравнении с романтической лирикой, тип звукописи и поэтического синтаксиса, ориентированный на декламацию и риторические фигуры. Она, наконец, просто огромна на фоне лирических шедевров Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Ахматовой etc., при этом сюжет в оде, с ее «восторгом» и «поэтическим беспорядком», менее уловим, чем даже в сюжетно минималистических «Парусе» и «На холмах Грузии...».

Так как же анализировать (ломоносовскую) оду? и что анализировать в ней?

Модусы изучения жанра торжественной оды

Заданный еще в 1930-е гг. Г. А. Гуковским «школьный» подход к оде как к жанру гражданско-патриотической лирики, в котором прославляется «мудрая, могущественная, счастливая, процветающая и пребывающая в мире Россия» [16, с. 46] и даются «уроки царям» [9, с. 92 и др.; 13, с. 475 и др.; ср.: 12, с. 50–52], плодотворен лишь в первом приближении к феномену непонятной для учащихся идейно-эстетической природы.

Следующий шаг в изучении оды (в вузе), состоит, во-первых, в признании того, что «природа» эта – многосоставная; во-вторых, в преодолении школьного «метафизического» взгляда на дихотомию «форма vs. содержание». Следует вернуться к исходному гегелевскому, т. е. диалектическому, ее пониманию, объяснив студентам, что «одический восторг», похвалы монархии и «высокий стиль» суть не форма выражения гражданско-патриотического содержания, но само *содержание* одического жанра.

Затем необходимо уяснить смысл того, что мы обозначили как *многосоставность* оды как эстетического феномена. Одна из недавних методологических попыток в этом

направлении была предпринята Е. М. Матвеевым. Справедливо указывая на необходимость «целостного анализа жанра» [21, с. 61], исследователь, основываясь на выборочном рассмотрении наиболее репрезентативных, с его точки зрения, работ об оде, созданных с 1817 по 2005 г., предлагает пятичленную классификацию интересов ломоносоведов. В основе ее лежит всё то же «школьное» разделение формы и содержания, условность которого осознать и сам Е. М. Матвеев. «5 групп проблем» обозначены им следующим образом: «ИСТОРИЯ (историко-культурный контекст), СТИХ (стиховые показатели оды), ТЕМА (круг вопросов, связанных с содержательной и сюжетной характеристиками оды), ЯЗЫК (особенности поэтического языка Ломоносова), ПРОЧЕЕ (то, что не попало в другие рубрики, главным образом, вопросы функционирования оды в литературной культуре XVIII столетия)» [21, с. 49].

Со своей стороны, для описания оды как целостного речевого высказывания (*жанра*), погруженного в исторический контекст, мы предлагаем использовать современное Ломоносову философское понятие *модус*, обозначающее «всякую определенную и переменчивую форму какого-нибудь существа или такое качество его, которое может являться в нем и не являться или скрываться, не изменяя самой его природы» [8, с. 107]; «свойство предмета, присущее ему лишь в некоторых состояниях, в отличие от атрибута – неотъемлемого свойства предмета» [38, с. 341].

В зависимости от того контекста, в который помещается ода в процессе ее изучения, а также в зависимости от интенции того, кто ее изучает, она может обнаруживать несколько модусов своего «существования». Условно выделим среди них *мифопоэтический* [1-3; 26]; *комплиментарно-панегирический* [12; 31]; *риторический (топологический)*; *эпртологический (оказиональный)* [см.: 25]. Этот последний, например, фиксирует *праздничную природу* и соответствующее разнообразие торжественных и похвальных од (дихотомия, предложенная самим Ломоносовым в прижизненных изданиях сочинений 1751 и 1757 г.), приуроченных к различным случаям, как то: восшествие на престол, коронация, день рождения, военная победа, заключение мира, бракосочетание, Новый год и др. [29; 31]. Очевидно, что батальная ода не похожа на эпиграммическую и что поздравление с Новым годом отличается-таки от торжествования дня «прибытия» в столицу. И однако тематическая дифференциация од – по праздничным «случаям» – почти не учитывается исследователями жанра, которые предпочитают «своеобразие» сводить к «однообразию» (исключение делается иногда для «военных» од).

Всё это означает ту простую истину, что одический жанр может быть исследован с разных сторон и разными методами, а также истину не столь очевидную – что результаты исследования связаны между собой по «принципу дополнительности» Н. Бора. И хотя жанр оды отнюдь не обделен вниманием литературоведов и методистов, некоторые модусы его изучения находятся на начальной стадии разработки. Таков, в частности, риторический модус, актуализированный в ломоносоведении в 1910–1920-е гг. (О. Покотилова, Ю. Н. Тынянов, Л. В. Пумпянский). Работы, в которых рассматриваются истоки и история отдельных топосов в одическом жанре, единичны [3; 26-28; 30-32]. Не существует перечня «общих мест» жанра (не говорим уже о конкретных одических «формулах»); никто пока еще не перечислил, не подсчитал и не систематизировал хотя бы основные риторические приемы, использованные Ломоносовым и другими одическими поэтами. Больше всего в этом направлении сделано лингвистами [37]; литературоведы же, как правило, ограничиваются общей характеристикой манеры Ломоносова и других одописцев [6, с. 95–100, 129–148; 9, с. 96–104; 24, с.

20–47] и/или констатацией «трудностей» изучения «общих мест» и их происхождения [4, с. 185–187].

Что касается Ломоносова, то двадцать его одических текстов, кажется, должны быть рассмотрены – каждый – подробно, детально и исчерпывающе. И однако – нет. Больше всего повезло одам 1739, 1742, 1745, 1747 и 1762 гг. [13; 31]. При этом об изменении одической манеры поэта исследователи предпочитают не говорить. По умолчанию предполагается, что, выработав ее в одах 1740-х гг., он затем просто эксплуатировал найденное. Показательный пример – отношение литературоведов к последней ломоносовской оде – «на новый 1764 год». Точнее говоря, никакого «отношения» к ней нет: ломоносоведы попросту игнорируют ее. Не найдя в этой оде привычного злободневно-политического содержания, выраженного в ярко-эмоциональной форме, советские ученые посчитали ее «должностной» (А. А. Морозов) и «бедной идейным содержанием» (Т. А. Красоткина, Г. П. Блок) [18, с. 1183]. В оправдание поэта предполагалось, что после холодно воспринятой Екатериной II оды «на день восшествия на престол» (1762) он осознал, что новой монархии «уроки» и «программы» не нужны. Отсюда, будто бы, и доминирующий в оде похвальный тон, причем «похвалы эти малосодержательны: о каких-либо конкретных государственных заслугах императрицы речи нет <...>» [18, с. 1184]. Фактически названные исследователи говорят здесь о сервилизме Ломоносова и «хоронят» его как поэта. Мы предложим свое объяснение *кажущейся* – по сравнению с предшествующими созданиями – бессодержательности последнего его одического текста. Это объяснение и рассматривается нами в качестве метода изучения одического жанра, предлагаемого студентам для освоения.

Результаты исследования

«Бедна идейным содержанием»: автодокументы как основание анализа авторской субъективности в литературе раннего Нового времени

«Ода Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, которою Ея Величество в новый 1764 год всенижайше поздравляет всеподданнейший раб Михайло Ломоносов» (19–29 декабря 1763 г.) действительно не свободна от риторики и долгот; по видимости, отсутствует в ней и ярко выраженная сквозная идея (будь то развитие наук, или военная мощь России, или долг монарха). Но это и не обычная похвальная ода, какой считали ее Т. А. Красоткина и Г. П. Блок, а *эническая (новогодняя)* ода, и в первых ее строках прямо определен предмет воспевания/восторга:

Пою наставший год: он славен,
Он будет красота веков,
Твоим намерениям равен,
Богиня, радость и покров!

Формула эта появляется в жанре оды впервые и становится важным жанровым определителем. *Новый год*, как мы увидим, будет конкурировать с главным объектом одических восторгов – монархом:

Среди торжественного звуку
О ревности моей уверь,
Что ныне, чтя Петрову Внуку,

Пою, как пел Петрову Дщерь.
 Ни моего преклонность века,
 Что слабит дух у человека,
 Ниже гонящий в гроб недуг,
 Ниже завистливы злодеи
 Чрез вредны воспятят затеи
 Почтительный к Монархам дух [18, с. 788–789].

Обычно эта, третья, строфа приводится как пример проникновения в одический жанр автобиографического начала, которое рассматривается как случайное, в общем, вкрапление в государственную поэзию: «<...> личностные проявления в одах Ломоносова отражали прежде всего его отношение к объективной, событийной стороне жизни» [36, с. 160–161], а не его внутренний мир. Разделяя в целом мнение В. И. Федорова, дополним его.

До этой оды у Ломоносова никогда не возникало потребности подчеркивать, что он и его верноподданнические чувства *не изменились*, что *сейчас* он «поёт» так же, как *тогда*, и что существуют обстоятельства, могущие помешать ему в проявлении этих чувств. С одной стороны, выражение «почтительный к Монархам дух» есть вариация на тему «восторга», с другой – восторг этот отнюдь не вызывает впечатления былой безусловности. Мало того, поэту пришлось пойти еще и на прямую подмену, назвав Екатерину II «Петровой Внукой». Серьезной проверке на прочность подвергся в данном случае не столько топос «исторической преемственности» [26; 29], сколько самое нормативное художественное мышление, предписывающее выражать индивидуальные переживания и личный опыт в раз и навсегда данных, устоявшихся формах. Иными словами, мы полагаем, что Ломоносов начинает утрачивать ту (поэтическую) веру – в Екатерину ли, в прогрессивные ли устремления самодержавной власти, а быть может, и в силу слова – веру, которая раньше помогала ему воспевать без особых усилий и причин даже малолетнего Иоанна Антоновича. В этом контексте начало оды прочитывается как попытка поэта освободиться от необходимости петь хвалу тому, что славить он уже *не может*, но *должен* по законам жанра. Отсюда, как кажется, и проистекает такое количество «беспредметных похвал» [18, с. 1184] императрице: нормативная поэтика устояла, но для этого потребовалось увеличить число комплиментарных формул, в результате чего их бессодержательность стала очевидной.

Что же тогда составляет содержание огромной, в 32 строфы, оды? Нам представляется, что сам Ломоносов только лишь ищет этого нового содержания, и одним из ориентиров ему служит одический «случай» – *Новый год*, т. е. переживание *эмпирического времени*.

События ноября-декабря 1761 г., отраженные в двух одах (Елизавете Петровне и Петру III), поставили Ломоносова перед тем фактом, что на его глазах уходит целая историческая эпоха. Неудача оды 1762 г. и поданное через месяц после ее опубликования прошение об отставке говорят о том, что увидеть себя, свое место в изменившейся ситуации Ломоносову какое-то время не удавалось. «<...> Итак, все мои будущие и бывшие рачения тщетны. Бороться больше не могу; будет с меня и одного неприятеля, то есть недужливой старости. Больше ничего не желаю, ни власти, ни правления, но вовсе отставлен быть от службы, для чего сегодня об отставке подал я челобитную его сиятельству Академии Наук г. президенту и о награждении пенсией для прокормления до смерти и с повышением ранга против тех, коими обойден. <...>» [19, с. 560], – пишет он графу М. И. Воронцову 24 июля 1762 г.

В те же дни, когда создавалась ода «на 1764 год», Ломоносов подводит итоги своей деятельности: к письму от 19 января 1764 г. к «сиятельному рейхс-графу» он предлагает пространную, из семи разделов, «Роспись сочинениям и другим трудам советника Ломоносова» и «Свидетельства о науках советника Ломоносова» – в основном выдержки из писем светил европейской науки, дающих высокие оценки его трудам. Особенно примечательна заключительная фраза «Росписи»: «Немало предложено было от него <Ломоносова. – авторы статьи> и других полезных проектов в Канцелярии, однако так же оставлены без внимания, а следовательно, и без полезного употребления» [19, с. 404].

Думается, что в последней оде Ломоносова отразился некий момент его самоопределения, и автобиографизм третьей строфы, особенно явственный на фоне процитированных писем, – лишь самое яркое его проявление, прорыв субъективности в неприспособленную для нее художественную структуру.

Комментированный аналитический пересказ как метод анализа «сюжета времени» в оде

Так о чём же размышляет и что переживает Ломоносов в оде? что, иными словами, можно считать ее «сюжетом»? Еще раз напомним начало: «Пою наставший год: он славен, / Он будет красота веков». Полагаем, что перед нами попытка поэта создать стихотворение о современности, о проживании настоящего (времени) – об экзистенциальном, по сути, самоопределении.

Для воссоздания названной временной модальности нормативная поэтика располагала небольшими возможностями [20]. Поскольку в середине XVIII в. интроспекции, анализ чувств (а тем более их нюансов) были почти недоступны русским лирикам, то оставались условные, приуроченные к «внешним» событиям (как на то справедливо указывал В. И. Федоров) художественные формы и средства: подходящая к случаю топка; исторические параллели и экскурсы; мифологические образы и персонафикации; аллегории и сравнения. Передать с их помощью *«полноту времени»* (выражение М. М. Бахтина) было сложно, еще сложнее было отобразить *ход времени*, вне которого «не может быть и речи об отражении эпохи» [5, с. 296]. Присутствие в оде злободневной современности – факт самоочевидный; правда, не всегда ее можно легко опознать в обличье комплиментарных формул, или мифологических образов, или речей аллегорических персонажей. Достигнута в оде и немалая «полнота времени»: четверть произведения (строфы 7–14) непосредственно посвящена ходу времени – *смене сезонов*, а образы либо мотивы времени содержатся почти в каждой строфе. Кажущиеся разрозненными и случайными, они складываются, на наш взгляд, в особый *«сюжет времени»*.

Из современных исследователей одического жанра, как кажется, только Н. Ю. Алексеева решается открыто утверждать, что в оде нет сюжета. Это понятие исследовательница трактует с позиций последующих за классицизмом эстетических учений, прежде всего романтических: «<...> сюжета в оде нет. В конце оды наше знание об изображаемом в ней предмете не больше, чем в начале. Одописец с самого начала, уже после приступа, заявляет основные свои «представления», а дальше по-разному их обыгрывает, не добавляя к ним никакого нового знания. Более того, в отличие от лирического стихотворения, каким оно сложилось в эпоху романтизма, само чувство лирического поэта в оде не знает развития. <...> лирическое стихотворение есть движение чувства,

и читатель заканчивает чтение стихотворения с другим душевным опытом, чем начинает. <...> в оде никакого опыта чувства и мысли читатель не получает. <...>» [4, с. 200].

Фактически здесь говорится, что поэт классицизма мыслит и чувствует не так, как поэт романтизма, и что романтический тип историзма классицизму не ведом. Спорить с этим трудно, как и с утверждением о том, например, что романтизм это не классицизм. Специфике историзма оды и своеобразию понимания идеи развития авторами XVIII в. мы когда-то посвятили диссертацию и ряд статей [27-29]. Не будем поэтому повторять былые наши аргументы, но просто опишем тот *образ настоящего (времени)*, который нарисован – осмыслен и прочувствован – Ломоносовым в его последней оде. Тем самым мы проиллюстрируем также и суть *метода комментированного аналитического пересказа «содержания» оды*. Сам метод не представляет из себя чего-то невообразимо сложного и может быть уподоблен *переводу* с одного языка (условной поэтической образности) на другой (безобразный, абстрактно-понятийный).

Задача, которая ставится перед учащимися, тройка и состоит: 1) в точности и краткости формулировок; 2) в отказе от попыток выстроить линейный сюжет, или, как говорили формалисты, фабулу; 3) в умении «увидеть» феномен времени не только на уровне образов и мотивов, но и модусов (эмпирическое, историческое, мифологическое и пр.).

Ниже рассматриваются те строфы оды 1763 г., в которых представлена тема (образ, мотив) времени. Цитаты из оды, в силу немалого их объёма, сведены к минимуму.

[1]¹ Наступил новый год; каким он будет – зависит от Екатерины, но иного, кроме счастливого, содержания императрица, в силу своей властной природы, вложить в предстоящие «лета» не может.

[2] В описании радости россиян и имеющего вскорости быть «земного рая» автору должен помочь Парнас, т. е. поэтическое вдохновение, искусство, которое только и способно победить всеуничтожающее время и рок [ср. 12, с. 39].

[3] Невзирая на те бедствия, которые сейчас обрушились на поэта: преклонный возраст, болезнь, приближающую к смерти, и происки врагов, он готов петь нового преемника Петра I на российском троне. Ломоносов, этот, по терминологии М. М. Бахтина, «публично-исторический, государственный» человек [5, с. 288], вдруг ощутил себя человеком *частным*, однако рефлексия по поводу «раздвоения» в оде, конечно, неуместна и несвоевременна.

[4] Экскурсом в прошлое и указанием на символическое совпадение имен двух монархинь (Екатерины I и Екатерины II) Ломоносов подчеркивает непрерывность во времени династической преемственности.

[6] От 1725 года поэт переходит к 1762-му: июньский переворот и смена правлений осмысляются им с помощью темпоральных образов с выраженным оценочным значением и мифополитической направленностью: «И дни нестройны пременяет / На ясность *радостных времен*» [1; 2; 26].

[7–14] Последующая часть «сюжета» непосредственно посвящена теме времени, внешне поданной в фенологическом ракурсе (подробный анализ см. ниже).

[15–16] Создав в предшествующих строфах довольно неожиданный (для классицизма, не знающего о романтизме) образ «золотого века» – с национально-историческим колоритом, Ломоносов от времени эмпирического переходит ко времени историческому и родовому. Поэт вспоминает два события («сии часы благословенны»): коронование Екатерины II и рождение Павла Петровича. Затем вновь возникает тема

1 Цифра в квадратных скобках обозначает номер соответствующей строфы из оды 1763 г.

переворота, трактуемая, в частности, как подвиг прозорливости Екатерины, спасшей себя и россиян от предстоящих «напастей».

[18] В монологе аллегорического персонажа – Правды, вещающей устами Екатерины II «законы вечные», возникают темпоральные образы, в которых отражены представления Ломоносова о направленности вектора времени: «Могу дела исчислить задни / И что раждается повсядни; / О будущем предвозвещу». Человек Нового времени смотрит вперед – в будущее, а прошлое находится у него за спиной, позади («дела задни») [34, с. 124].

[19] Момент воцарения Екатерины соотносится с «началом времен» – сотворением Господом мира. Примечательна здесь просветительская, рациональная интерпретация библейского мифа «первотворения» [2]. Божественное Слово отождествляется с Премудростью, важнейшим для поэта качеством просвещенного монарха.

[20–21] «Сопоставления во времени» продолжаются: российская императрица сравнивается с древним царем Израиля, а ее правление – с эпохой Пиндара. Два комплиментарных сравнения – обычные, казалось бы, одические топосы – отражают разные уровни представлений о времени, и прежде всего о времени историческом и мифологическом. Аналогия «Соломон – Екатерина», несомненно, основывается на идее прогресса (человеческого разума) и связана с историческим линейным временем: «Он *предварил Тебя веками, / Превзойдеш Ты его делами, / В чем власть господствует ума; / По ясных знания восходах / В поверенных Тебе народах / Невежества исчезнет тьма*».

[22] Как и в большинстве предшествующих его од, картины «золотого века» вставлены поэтом в реально-историческую «рамку». «Социальный миф» Ломоносова злободневен, и за каждым топосом кроется конкретно-историческое содержание. Последнее советские комментаторы оды видели буквально везде. Так, развернутое противопоставление «угрюмые Друиды – Кастальския сестры прекрасны» они истолковывали как иносказание, относящееся к политике правительства в области духовной культуры: «Строфа 22 включает в себе осторожный намек на смену церковной гегемонии в области культурной жизни («друиды») гегемонией науки («кастальския сестры»)» [18, с. 1185]. На наш взгляд, в данной антитезе явлены *культурно-исторические* предпочтения Ломоносова. По-видимому, это одно из первых в русской литературе упоминаний о кельтской мифологии [ср.: 14] и противопоставление ее мифологии античной. Подобное противопоставление предвещает коллизию «классицизм – предромантизм» с ее противостоянием наднационального языка европейской культуры (античные мифы) и национальных историй и мифологий. Пока же эстетические приоритеты Ломоносова как одического поэта – греко-римская древность – предопределены и безальтернативны.

[23–28] Однако образ «золотого века» (т. е. особый хронотоп), возникающий в монологе «Кастальских сестер», имеет ряд особенностей, связанных с противоборством *исторического* и *мифологического* в сознании Ломоносова. Рисуя «пространство счастья», где текут «сильны реки» и благоденствуют народы, поэт сохраняет общие приметы мифологемы «золотого века» [2; 23, т. 1, с. 471]. На этом, собственно, апелляции к античному мифу заканчиваются, и в свои права вступает современность – те актуальные для Ломоносова, ученого и гражданина, проекты и начинания, а также вопросы текущей политики, которые волновали его в 1763–1764 гг.: замыслы неких гидротехнических сооружений и водоподъемных устройств; Северная морская экспедиция; экономические выгоды от торговли с дальневосточными странами; политические сношения России с Китаем [18, с. 1185]. Несомненной, хотя на первый взгляд и неза-

метной, новизной обладает в оде 1763 г. способ поэтической локализации «золотого века». В одах Елизавете Петровне, и в частности в самой знаковой из них – 1747 года, *настоящее* мифологизировалось и наделялось чертами, в которых угадываются черты ломоносовского социального идеала; *будущее* же, в которое хочется верить поэту, мыслилось им как бы уже наступившим. Подобная форма освоения времени близка к тому, что М. М. Бахтин назвал «*исторической инверсией*». В выражающих ее мифах о рае, о Золотом веке, о героическом веке, о древней правде, о естественном состоянии и т. п. «изображается как уже бывшее в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем, что, по существу, является целью, долженствованием, а отнюдь не действительностью прошлого». По мысли ученого, при таком отношении к будущему последнее «опустошается и обескровливается» [5, с. 297–299]. Применительно к оде «на 1764 год» об «исторической инверсии» говорить уже не приходится: зазор между желаемым (будущим) и сущим (настоящим) явствен и едва ли не подчеркнут Ломоносовым. Просветительские мероприятия Екатерины II изображаются именно как предстоящие («*Сии желания сердечны / Героев дух и суд небес / Исполнит и поставит вечны*»), а Россия лишь «надеется» на «таковые чудеса». В последней ломоносовской оде историческое сознание отвоевывает у сознания мифологического еще одну позицию: «золотой век» локализуется в конкретном – наступившем – году, наполняется вполне реальным содержанием, а модус *будущего* обретает, таким образом, «материальность» и «весомость» (М. М. Бахтин). Выше мы предположили, что Ломоносов начинает утрачивать веру в осуществимость своих грандиозных научно-просветительских планов по преобразованию России. Мы не имели в виду, что великий ученый собирался отказаться от них. Восприятие поэтом собственных умозрительных построений просто обрело новую меру историчности: посмотреть на свой идеал «со стороны» он, пожалуй, еще не может, но придать ему конкретно-исторические очертания, «заземлить» его – уже способен. «Золотой век» превращается в программу научных и социально-политических мероприятий, сроки выполнения которой ограничены текущим годом. Что же это за «золотой век», спросим мы, для осуществления которого надо трудиться, возвращая некий «долг» (см. ниже строфу 30)? Поэт уже не «надстраивает действительность (настоящее) по вертикали вверх и вниз», как делал это в одах Елизавете, он «идет вперед по горизонтали времени» [5, с. 298] – в ближайшее будущее.

[29] Залогом претворение в жизнь его и России «надежд» выступает, в частности, наследник престола: «О ты, цветущая отрада, / О верность чаяний моих! / Тебя родила мне Паллада / *Для продолженья дней златых*».

[30] Определенные упования поэт возлагает и на национальный характер (см. ниже выделенное курсивом в цитате; ср. также с ответом Екатерины II на 20-й вопрос Д. И. Фонвизина в «Собеседнике любителей русского слова» за 1783 г.). Именно так мы понимаем смысл обращения России к «славенам» (заметим: не к «россам») с вполне утилитарными планами на новый год:

О чада ревностны, усерды,
Славенов в свете славный род,
О корень, *верностию* твердый,
Владелец многих Царств и вод,
Покрытый орлими крылами,
Украшенный Ея делами,
Чем долг Богине возвратить?

*В трудах полезных обращайся,
В сей год и завсегда старайся
Достоинства Ея почитать* [18, с. 799].

Понятие «дух нации и народа», одно из центральных в идеологии романтизма, было введено в европейскую культуру в эпоху Просвещения, и знаменитый «Опыт о всеобщей истории и о нравах и духе народов» (1756–1769) Вольтера отнюдь не был первой попыткой нарисовать характеры народов. Данное понятие является одним из основополагающих для исторического метода И. И. Винкельмана, чья «История искусства древности» увидела свет в том же, что и ода Ломоносова, году. Известный немецкий историк Ф. Мейнеке полагал даже, что «учение о “духе” созданий рук человеческих стало актом, в котором рационализирующее и механизмирующее Просвещение почти переросло само себя и указывает на сверхрациональные сферы» [22, с. 81].

[32] Завершается ода и вместе с ней «сюжет времени» новогодним пожеланием здоровья Екатерине: «Катитесь, счастливы светила, / Во весь Екатеринин век» etc. Но открытие для русской поэзии *частной жизни монарха* принадлежит уже другому одическому автору – Г. Р. Державину.

Итак, в едином «сюжете» оказались совмещены различные уровни представлений о времени и все временные модусы: *прошлое* (сотворение мира; древняя библейская история; царствования Петра I, Екатерины I, Елизаветы Петровны, Петра Федоровича; рождение Павла Петровича; переворот 1762 г.) – *будущее* (предстоящие Екатерине II политические шаги и просветительские преобразования, которые сделают ее царствование новым «золотым веком») – *настоящее* (в котором локализована авторская точка зрения). *Полнота времени* в оде достигнута, и на определенном этапе «сюжета» становится очевидно, что Ломоносовым передан и *ход времени*.

Обратимся в этой связи к строфам 7–14, где непосредственно изображено течение эмпирического времени – смена сезонов.

Изображение времён года в оде: сюжетообразующая роль образов и мотивов движения

Опираясь на собственный художнический опыт – оды 1743 и 1752 г. и надпись «на 1754 год», Ломоносов вносит в статичные аллегории первых и эмблематику второй мотив *движения*. Передать ход времени одический поэт пробует несколькими способами, которые в своей целокупности призваны создать «*солярный сюжет*».

Первый способ можно назвать **живописно-наглядным**, или **мифопоэтическим**.

Движение Ломоносов изображает буквально – с помощью пластического мифопоэтического образа летящей по небу солнечной колесницы. Стремительность движения, точнее даже полёта, передана поэтом прежде всего за счет нагнетания глаголов: «Уже из светлых врат Сафирных / Направил коней ты Ефирных: / Ржут, топчут твердь, спешат лететь. // Ты, с новым торжествуя годом, / Между блистающих колес / Лазуревым пустился сводом, / Течеш на крутизну небес <...>». К более тонким, детализирующим художественным средствам создания образа полета следует отнести выражение «*блистающие колеса*», которое обозначает не только световую насыщенность, но и быстроту вращения спиц; а также оборот «*течеш на крутизну небес*», передающий самое ощущение неуклонного подъема на небесный свод.

Приведенная цитата обнаруживает специфическую черту ломоносовской образности: она более детализирована, чем у любого другого одического поэта середины

XVIII века, в том числе за счет обращения к цветописи. Г. В. Соболева в своем анализе цветоцветовой картины мира Ломоносова определяет степень употребительности синего (голубого) цвета в его поэтических текстах (четвертое место после красного, желтого и зеленого), указывая при этом на слова *синий, лазуревый, небесный* [33]. Однако слово *сафирный* (т. е. «сапфирный») также несет в себе сему 'синий/голубой', причем в приведенном контексте («светлые врата Сафирны») оно, скорее всего, означает светло-голубой оттенок. Тот же оттенок значения включает в себя и эпитет «Ефирны» (т. е. «воздушные, лучезарные, блестящие»). Необыкновенной пластичностью и динамикой отличается образ «топчущих твердь» коней. И главное, солнце у Ломоносова – это образ с выраженным темпоральным значением: «О Ты, пресветлый предводитель / *От вечности текущих лет*».

На основе этой первичной метафоры – движения солнца по небу – возникает метафора более масштабная – годового солнечного круга («Ты, с новым торжествуя годом» etc.). Изображая смену времен года с характерными их приметами, Ломоносов вступает в сферу природно-пейзажную и фенологическую. Идея (циклического) движения времени здесь самоочевидна; а тот способ, который поэт использует для ее выражения, можно обозначить как **природоведческий**, или **естественнонаучный**.

Вопреки мнению Е. В. Душечкиной, относящей «выработку приемов» изображения природы в русской поэзии к «последним десятилетиям XVIII века» [10, с. 282], круговорот сезонов, например, описывался еще Тредиаковским в «Песни на 1732 год» (строфа 4) и в «Феоптии» (Эпистола II, стихи 668–679), а также Ломоносовым в надписи «на 1754 год». Оба автора развивали концепцию подчинения Времени и природных циклов власти российских самодержцев [см.: 29, с. 65–99]. Смена времен года рассматривалась Тредиаковским с позиций трудового народного календаря – в «Песни...», как доказательство премудрости Бога-Творца – в «Феоптии»; эмблематика ломоносовской надписи призвана была представить «идею» каждого сезона.

В оде «на 1764 год» намечается отход от аллегорий и эмблем в область непосредственного (научного) наблюдения, в сферу освобождающейся от дидактики, осознающей свою самодостаточность детализированной художественной образности. В последней угадывается генетическая память об эмблематических изображениях сезонов (в «цветущих злаках» – Весна; в «младой Цересе» – Лето; в «сладостном» виноградном соке – Осень), однако Ломоносов пытается изобразить в оде уже не «идеи» сезонов, а сами *времена года*. В надписи «на 1754 год» больше всего места было уделено зиме, возможно, потому, что само поздравление было приурочено к зимнему празднику. В оде зиме посвящена одна строка: солнце, «стремясь к приятствам вешней неги, *одолевает зиму, снеги*». Мотив *преодоления, смены* (т. е. движения) зимы весной является толчком для дальнейшего развития сюжета о круговороте сезонов в природе.

Следующие затем ломоносовские описания весны, лета и осени могут показаться абстрактными: в них есть и мифологизмы («младая Цереса»); и эмблемы (корабли в пристани); и родовые понятия – некие «сладкогласные птицы» и столь же неопределимые «сладкия плоды». Однако достаточно сравнить эти описания хотя бы с картиной утра в новогодних одах 1763 г. других поэтов (Сумарокова, Майкова, Богдановича), чтобы констатировать у Ломоносова стремление к конкретизации образов. Выражается оно, во-первых, в попытке создать звуковое представление о каждом сезоне. Акустическими образами богаты строфы, посвященные весне (№ 9) и особенно осени (№ 14). Во-вторых, каждый сезон рисуется в облике особых, только ему свойственных явлений – астрономических, атмосферных, фенологических, социально-трудовых.

Особенно интересны те, в которых обнаруживается взгляд Ломоносова-ученого. Приведем примеры.

1) В 9-й строфе поэт явно говорит о солнечной эклипике («Потом сильнейшими лучами / Сияя в большей высоте <...>»), а в 12-й – о летнем солнцестоянии: «Украсить тщась лице земное, / Ночную сокращаешь тень». Наличие в 13-й строфе поэтического описания дня осеннего равноденствия («Уже по изобильном лете / Достигнет Солнце, где Весы / Равняют день и ночь на свете») заставляет предположить, что в предшествующих строфах нашел отображение годичный путь солнца и что, следовательно, «соллярный сюжет» в оде начинается с дня весеннего равноденствия: «Стремясь к приятствам вешней неги, / Одолеваешь зиму, снега».

2) В 11-й, «летней», строфе речь идет о круговороте воды в природе и об образовании атмосферных осадков: «Когда с превыспренных несносной / Приблизится на землю жар, / То дождь прольешь нам плодоносной, / Подняв, сгустив во облак пар». То, что речь здесь идет именно о *движении* (как минимум в естественнонаучном его понимании), доказывают строки из «Слова о пользе Химии» (1751), образно и тематически близкие к строфам из оды. Популяризируя научное знание, Ломоносов рассуждает об «огне, которой в умеренной своей силе теплотою называется <...>; нет ни единого в натуре *действия*, которого бы основание ему приписать не было должно: ибо от него все *внутренние движения тел*, следовательно и *внешние* происходят. Им все животные и зачинаются, и растут, и *движутся*; им обращается кровь и сохраняется здравие и жизнь наша. <...> И вы, приятные поля и леса, тогда только прекрасною одеждою покрываетесь, ободряете члены и услаждаете чувства наши, когда любезная теплота, кротким своим пришествием разогнав морозы и снега, питает вас тучною влагою, испещряет сияющими и благовонными цветами и сладкими плодами обогащает» [17, с. 358]. Далее в «Слове...» говорится о круговороте воды в природе – о росе, дожде, нивах, водных источниках, движении воздуха и пр.

В сухих научных сведениях о парообразовании, о солнечной эклипике и созвездиях, о равноденствии и солнцестоянии достигнут немалый уровень художественной точности, составляющей важнейшее свойство историзма [27; 29]. С этой точки зрения особенно показательно здесь изображение в оде осени. Полагаем, что, наряду с зимой [ср. 10, с. 287], именно это время года предоставляло русским писателям XVIII–XIX вв. наибольшие возможности для передачи национального колорита. Приметы русской осени, по-видимому впервые в отечественной литературе, и запечатлены Ломоносовым в 14-й строфе оды «на 1764 год»:

Я слышу Нимф поющих гласы,
Носящих сладкия плоды,
Там в гумнах чистят тучны класы,
Шумят огромныя скирды.
Среди охотничей тревоги
Лесами раздаются роги,
В покое представляя брань.
Сию Богине несравненной
В избыток принесут осенной
Земля, вода, лес, воздух дань [18, с. 793].

И хотя образ «поющих нимф» антикизирован и допускает двоякое истолкование – аллегорическое и метафорическое, в этой строфе, несомненно, нарисована *русская* осень в том ее аспекте, который менее чем через столетие назовут «патриархально-

идиллическим». В хронотопе 14-й и других строф оды, составляющих «солярный сюжет», обнаруживаются приметы того типа идиллии, который М. М. Бахтин определил как «земледельчески-трудовой». Человеческая жизнь тесно связана в нём с жизнью природы, у них единый ритм и «общий язык» [5, с. 375]. Аллегорически соотнеся воздействие солнца на природу и социум с деяниями императрицы во благо «Российской страны», Ломоносов создает тип идиллии Нового времени, не учтенный М. М. Бахтиным, – идиллию «социальную».

Переход от природно-пейзажной сферы к политическим аллегориям был естествен для одического жанра, поскольку находил опору в нормативно-рационалистическом мышлении, истолковывающем каждое новое или необычное явление через уже известное – по смежности, т. е. аллегорически, либо прибегая к условным поэтическим формулам. Идеологическая направленность соответствующей топики прозрачна: российский император – это демиург, гармонизирующий отношения в обществе и вносящий разумный порядок в природу.

Философской основой подобного отождествления/неразличения *социального* и *природного* являлся тот уровень естественнонаучного знания, который был достигнут к середине XVIII в. До тех пор, пока природа не получила статуса несотворенной и развивающейся во времени, что произошло только в работе П. А. Гольбаха «Система природы» (1770) [11, с. 327], все попытки изобразить природу следует считать художественными интуициями. При этом именно искусство (например, живопись) шло впереди научно-философской мысли в постижении природы как самоценного феномена. Так, «открытие природы» в западноевропейской (английской) литературе совершается на исходе 1720-х гг. [39]; а «новое чувствование» природы в русской поэзии исследователь В. Н. Топоров связывает с серединой 1770-х гг., с именем М. Н. Муравьева [35, с. 437–439]. Однако «новое зрение» – индивидуализирующее и интимно-лирическое, сказывающееся в образах природы и в образах времени, проявляет себя в русской литературе уже в 1750-е гг. («Вешнее тепло» (1756) Тредиаковского). У Ломоносова художественное постижение природы было тесно связано с научным ее познанием, в свою очередь подчиненным вполне практическим целям – прогрессивному развитию государства. *Природное* и *социальное* были соединены поэтом-просветителем идеей *пользы*, тем «высоким пафосом утилитаризма» (О. Мандельштам), которым пронизано всё его творчество.

Сказанное проясняет, почему природный объект легко мог быть уподоблен в оде *социальному действию* (например, лучи солнца – льющим от трона благам) и наоборот (смена правлений – осмысляться в темпоральных и метеорологических образах). К такого рода аллегориям в оде 1763 г. относятся:

- 1) уподобление характера («нрава») Екатерины весеннему солнцу: он «народную грубость умягчает / И всех к блаженству приближает / Теченьем обновленных прав»;
- 2) сопоставление Екатерины с сеятелем (строфа 10);
- 3) сравнение «щедрот» императрицы с росной прохладой (строфа 11).

Все эти «этико-политические» сравнения и иносказания являются частными случаями общей «солярной» метафоры – «Екатерина-солнце», имеют комплиментарный характер и ближайшим образом восходят к оде 1752 г. За десять лет, разделяющих две оды, художественное мышление Ломоносова эволюционировало в сторону конкретизации поэтической образности. В оде 1752 г. за комплиментами, подчас изысканными, почти не стояло реального содержания – указаний на социально-преобразовательную деятельность Елизаветы Петровны. В оде «на 1764 год» поэтическое видение Ломоно-

сова не только пропущено сквозь призму *современности*, но и обогащено его – поэта, ученого и человека – экзистенциальным опытом.

Существенной трансформации подвергся в оде традиционный тоpos «монарх – солнце». Если в оде 1752 г. образ солнца был не более чем предметом сравнения, выполнял исключительно риторическую функцию (аллегии), центральным же являлся образ монархини, то в оде 1763 г. действуют два самостоятельных «персонажа» – Солнце и Екатерина, и у каждого – свое поле деятельности. «Природно-пейзажное» в литературе продолжает утверждать свою самоценность: оно уже не удостаивает быть только иносказанием деяний императрицы, но требует внимания к самому себе, хотя бы и в научно-познавательном плане. Аллегорической образности начинает противостоять образность конкретно-описательная, а одические «общие места» (например, тоpos «покорной монарху природы» в 14-й строфе) совмещаются с образами индивидуализированными (в описанном выше смысле).

Обратимся к 12-й строфе, где «действуют» Солнце и Екатерина и где идея *пользы* выражена особенно отчетливо. Строфа эта, целиком посвященная некоторой сквозной для ломоносовских од теме, является, на наш взгляд, концептуально значимой для понимания сути третьего способа изображения *движения* (а через него – и хода времени) в оде «на 1764 год».

Солнце, в заботе о красоте земли, стремится летом раньше взойти на небо («Украсть тщась лице земное, / Ночную сокращаешь тень»). Екатерина, заботясь «о подданных покое», превосходит в своей активности/деятельности Солнце, ибо трудится днем и ночью («ночь вменяет в день»). Заметим, насколько виртуозен Ломоносов, использующий в целях комплиментирования образы природы и эмпирически точные научные наблюдения. Далее поэт развивает тоpos «трудящегося и заботящегося о благе подданных монарха»: «россияне, народ послушной», «примером неусыпных пчел» должны подражать трудолюбивой царице и своими «полезными делами» умножать «сладость счастья». Напомним, что мотивы «усердия» и «пользы» завершают оду. Подобно тому, как солнце и мир природы всегда находятся в движении, российская императрица постоянно трудится; то же, надеется автор оды, должны делать и ее подданные¹. Идея движения выражена здесь более опосредованно, чем в рассмотренных уже случаях, и понята как *социальное действие*. Этому, третьему, способу изображения движения дадим наименование **аллегорического**, или, с точки зрения концептуального его наполнения, **социологического**.

Таким образом, если всё-таки искать какую-либо сквозную идею в эонической оде 1763 г., то ею по праву может быть названа идея *общепользной деятельности*. Она заполняет время и простого подданного, и монарха; придает ему (времени) осмысленность и объективную ценность, тем самым способствуя постепенному поступательно-прогрессивному движению России к благу.

Выводы

1. Последняя ода Ломоносова, несомненно, отразила новый этап в развитии его художественного мышления, запечатлев, в частности, качественно иную меру историчности во взглядах поэта-ученого на современную ему действительность, на соб-

1 Г. Р. Державину было на что опереться в «Фелице», ибо начало исторического мифа о Екатерине-труженице («Не дорожа твоим покоем, / Читаешь, пишешь пред налоем / И всем из твоего пера / Блаженство смертным проливаешь» и пр.) было положено М. В. Ломоносовым.

ственную былую веру в прогресс российской государственности и роль в этом процессе просвещенного государя.

2. Опираясь на свои поэтические и научные опыты, испытав, по-видимому, в 1762–1763 гг. некий экзистенциальный кризис, Ломоносов в оде, посвященной новолетию (= Времени), попытался увидеть и запечатлеть современность в ее (само)движении.

3. Представления о движении в природе, идея научного прогресса, недавние перипетии в российской политической истории и собственная тревожная жизнь – эти и другие факторы привели к возникновению в оде «сюжета времени». Привычные одические топосы, формулы и приёмы сфокусировались в нём на Времени, на словесно-образных репрезентациях этого бытийного феномена.

4. Для анализа данного «сюжета» в учебных целях (на занятиях по литературе в вузе) был предложен метод комментированного аналитического «пересказа-перевода» соответствующих строф оды. В результате в оде был обнаружен «лирический нарратив» о «золотом веке» в России и той роли, которую играют в его осуществлении правящая императрица и сам Ломоносов. «Бедная идейным содержанием» ода, какой ее считают исследователи, явила последовательно выраженную, одушевленную ее от начала до конца идею общепольной деятельности во благо страны.

5. Бесспорные открытия были сделаны поэтом и в области изображения природы, в частности смены сезонов. Воссоздавая ход времени и тем самым утверждая его самодостаточность, Ломоносов достиг нового уровня художественной индивидуализации, а именно дифференциации способов отображения времени и детализации образов природы. Осознать эту проблему «изнутри», «вчувствоваться» в нее смогли поэты следующего поколения и другого литературного направления: жесткость нормативного мышления была смягчена в сентиментализме представлением о текучести чувств и изменчивости восприятий, относящихся в том числе и к переживанию времени. Но именно Ломоносов и отчасти Тредиаковский первыми встали на этот магистральный для русской поэзии путь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон Т. Е. Мифологические образы как составляющие ломоносовского одического этоса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13. С. 425–429.
2. Абрамзон Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин): дисс. ... докт. филол. наук. М, 2007. 620 с.
3. Абрамзон Т. Е., Петров А. В. Одические версии «Общественного договора» в России XVIII в. // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 2, p. 406–424.
4. Алексеева Н. Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
5. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
6. Бухаркин П. Е. Михаил Васильевич Ломоносов в истории русского слова. СПб.: Нестор-История, 2011. 172 с.
7. Галимуллина А. Ф. Формирование понятия о классицизме у старшеклассников на уроках русской литературы в процессе изучения лирики. Казань: РИЦ «Школа», 2006. 212 с.
8. Гогоцкий С. С. Философский словарь, или краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии. СПб.: Тропа Троянова; Иваново: ИТ «Роща Академии», 2009. 297 с.
9. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. Учебник. М.: Аспект Пресс, 1998. 453 с.
10. Душечкина Е. В. Антропоморфизация и персонификация времен года в окказиональной поэзии XVIII века // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века / под ред. П. Е. Бухаркина, У. Екуч, Н. Д. Кочетковой. СПб.: Филолог. ф-т СПбГУ, 2010. С. 280–287.
11. Западноевропейская философия XVIII века / В. Н. Кузнецов и др. М.: Высш. шк., 1986. 398 с.
12. Клейн И. Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Slověne. 2015. № 2. С. 36–71.
13. Лебедев Е. Михаил Васильевич Ломоносов. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 640 с.
14. Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе (конец XVIII – первая треть XIX века). Л.: Наука, 1980. 206 с.

15. Леонов С. А. Литература классицизма в школьном изучении. М.: Флинта, Наука, 1997. 160 с.
16. Литература. 9 кл. Учеб.-хрестоматия для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 / [авт.-сост. В. Я. Коровина и др.]; под ред. В. Я. Коровиной. М.: Просвещение, ОАО «Московские учебники», 2006. 369 с.
17. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 727 с.
18. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VIII. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1280 с.
19. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. X. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 935 с.
20. Маслова А. Г. Поэтика времени и пространства в русской поэзии 1760–1780-х годов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. 212 с.
21. Матвеев Е. М. Одическая поэзия М. В. Ломоносова: методологические проблемы изучения // Литературная культура России XVIII века. Выпуск 4 / Под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева, А. Ю. Тираспольской. СПб.: Филолог. ф-т СПбГУ, 2011. С. 48–61.
22. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М.: РОССПЭН, 2004. 480 с.
23. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1997.
24. Москвичева Г. В. Русский классицизм: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1986. 191 с.
25. Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века / под ред. П. Е. Бухаркина, У. Екуч, Н. Д. Кочетковой. СПб.: Филолог. ф-т СПбГУ, 2010. 448 с.
26. Петров А. В. Мифополитические формулы в манифестах и одах 1741–1742 гг. («мифология власти» в политической и литературной культурах в России XVIII века) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1. С. 152–161.
27. Петров А. В. От торжественной оды к историософской поэме (историзация одической топики в «Ермаке» И. И. Дмитриева) // Вопросы филологии. 2005. № 1. С. 58–67.
28. Петров А. В. Одическая топка во вступлении к «Петербургской повести» А. С. Пушкина «Медный Всадник» // Пушкин: Альманах. Вып. 4. Магнитогорск: МаГУ, 2004. С. 135–153.
29. Петров А. В. Оды «на Новый год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии XVIII века: Монография. Магнитогорск: МаГУ, 2005. 272 с.
30. Петров А. В. Топос реки в русской поэзии XVIII века: диалектика противостояния Невы и Волги // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвуз. сборник науч. трудов. Вып. 12. Самара, 2006. С. 169–180.
31. Петров А. В. Эпиталама в русской литературе XVIII века: Очерки по исторической поэтике жанра: Монография. Магнитогорск: МаГУ, 2012. 218 с.
32. Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu ulikooli kirjastus, 1997. 158 с.
33. Соболева Г. В. Цвет и свет в языковой картине мира М. В. Ломоносова // Проблемы культуры, языка, воспитания: Сб. науч. трудов. Вып. 5. Архангельск: ПомГУ, 2003. С. 51–55.
34. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
35. Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. II. М.: Языки рус. культуры, 2003. 921 с.
36. Федоров В. И. Литературные направления в русской литературе XVIII века. М.: Просвещение, 1979. 156 с.
37. Филологическое наследие М. В. Ломоносова: коллективная монография / отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2013. 480 с.
38. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.
39. Шайтанов И. О. Мыслящая муза: «Открытие природы» в поэзии XVIII в. М.: Прометей, 1989. 257 с.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. Mythological images as components of the Lomonosov odic ethos. *Problems of History, Philology, Culture*, 2003, no. 13, pp. 425–429. (in Russian)
2. Abramzon T. Ye. Poetic mythologies of the 18th century (Lomonosov, Sumarokov, Kheraskov, Derzhavin): Diss. of Doctor Degree Philol. Sci., Magnitogorsk, 2007. 620 p. (in Russian)
3. Abramzon T. Ye., Petrov A. V. The Odic Versions of the Social Contract in Russia in the 18th Century. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 2, pp. 406–424. (in Russian)
4. Alekseeva N. Yu. Russian Ode: the development of the odic form in the 17th–18th centuries. Saint-Petersburg, Nauka Publishing House, 2005. 369 p. (in Russian)
5. Bakhtin M. Problems of literature and aesthetics. Studies of different years. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publishing House, 1975. 502 p. (in Russian)
6. Bukharkin P. Ye. Mikhail Vasilyevich Lomonosov in the history of the Russian word. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publishing House, 2011. 172 p. (in Russian)

7. Galimullina A. F. Formation of the concept of classicism among high school students in the classroom of the Russian literature in the process of studying lyricism. Kazan, Shkola Editorial and Publishing Center, 2006. 212 p. (in Russian)
8. Gogotsky S. S. Philosophical Dictionary, or a brief explanation of philosophical and other scientific expressions found in the history of philosophy. Saint-Petersburg, Tropa Troyanova Publishing House, Ivanovo, Roshcha Akademii Publishing House, 2009. 297 p. (in Russian)
9. Gukovsky G. A. The Russian literature of the XVIII century. Textbook. Moscow, Aspect Press Publishing House, 1998. 453 p. (in Russian)
10. Dushechkina E. V. Anthropomorphize and personification of the seasons in occasional poetry of the 18th century. The occasional literature in the context of the festive culture of Russia of the 18th century. Under the editorship of. P. E. Bukharkin, U. Ekuch, N. D. Kochetkova. Saint-Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2010. pp. 280-287. (in Russian)
11. Western European philosophy of the XVIII century. V. N. Kuznetsov and others. Moscow, Vyshaya shkola Publishing House, 1986. 398 p. (in Russian)
12. Klein I. Praise to the ruler: Eulogy of poetry and Russian absolutism. *Slověne*, 2015, no. 2, pp. 36-71. (in Russian)
13. Lebedev Ye. Mikhail Vasilyevich Lomonosov. Rostov-on-Don, Feniks Publishing House, 1997. 640 p. (in Russian)
14. Levin Yu. D. Ossian in the Russian literature (the end of the XVIII - the first third of the XIX century). Leningrad, Nauka Publishing House, 1980. 206 p. (in Russian)
15. Leonov S. A. Literature of classicism in school learning. Moscow, Flinta Publishing House, Nauka Publishing House, 1997. 160 p. (in Russian)
16. Literature. 9th grade. Textbook-chrestomathy for general educational institutions. In 2 parts. Part 1 / [compiled by. V. Ya. Korovina and others.]; under the editorship of. V. Ya. Korovina. Moscow, Prosveshchenie Publishing House, Moskovskie Uchebniki Open JSC, 2006. 369 p. (in Russian)
17. Lomonosov M. V. Complete set of works Vol. II. Moscow-Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. 727 p. (in Russian)
18. Lomonosov M. V. Complete set of works Vol. VIII. M.-L., Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. 1280 p. (in Russian)
19. Lomonosov M. V. Complete set of works Vol. X. Moscow-Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. 935 p. (in Russian)
20. Maslova A. G. The Poetics of Time and Space in the Russian Poetry of the 1760-1780s. Ekaterinburg, Publishing house of Ural State University, 2013. 212 p. (in Russian)
21. Matveev, Ye. M., Odic Poetry of M. V. Lomonosov: Methodological Problems of Studying. Literary Culture of Russia in the 18th Century. Issue 4 / Under the editorship of P. Ye. Bukharkin, Ye. M. Matveev, A. Yu. Tiraspol'skaya. Saint-Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2011. pp. 48-61. (in Russian)
22. Meineke F. The emergence of historicism. Moscow, ROSSPEN Publishing House, 2004. 480 p. (in Russian)
23. Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 values. / Chief editor S. A. Tokarev. Moscow, Great Soviet Encyclopedia Publ., 1997. (in Russian)
24. Moskvicheva G. V. Russian classicism: a manual for universities. Moscow, Prosveshchenie Publishing House, 1986. 191 p. (in Russian)
25. The Occasional literature in the context of the festive culture of Russia of the XVIII century / under the editorship of P. Ye. Bukharkin, U. Ekuch, N. D. Kochetkova. Saint-Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2010. 448 p. (in Russian)
26. Petrov A. V. Mythopolitical formulas in manifestos and odes of 1741-1742. ("The mythology of power" in political and literary cultures in Russia in the 18th century). *Problems of history, philology, culture*, 2011, no. 1, pp. 152-161. (in Russian)
27. Petrov A. V. From the solemn ode to the historiosophical poem (historization of the odic topoi in "Yermak" by I. I. Dmitriev). *Questions of philology*, 2005, no. 1, pp. 58-67. (in Russian)
28. Petrov A. V. Odic Topoi in the introduction to A. Pushkin's "Petersburg Tale" "The Bronze Horseman". Pushkin: Almanac. Issue 4. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University, 2004. pp. 135-153. (in Russian)
29. Petrov A. V. Odes "on the New Year", or the Opening of Time. Formation of artistic historicism in the Russian poetry of the XVIII century, Monograph. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University, 2005. 272 p. (in Russian)
30. Petrov A. V. Topos of the River in the Russian Poetry of the 18th Century: Dialectics of the Confrontation of the Neva and the Volga River. Problems of the Study of the Russian Literature of the 18th Century: Interuniversity collection of scientific papers, Issue 12. Samara, 2006. pp. 169-180. (in Russian)
31. Petrov A. V. Epithalamion in the Russian literature of the XVIII century: Essays on the historical poetics of the genre: Monograph. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University, 2012. 218 p. (in Russian)
32. Pogosyan Ye. Delight of the Russian ode and the solution of the theme of the poet in the Russian panegyric of 1730-1762. Tartu, Tartu ulikooli kirjastus Publishing House, 1997. 158 p. (in Russian)
33. Soboleva G. V. Color and light in the language picture of the world of M. V. Lomonosov. *Problems of culture*,

- language, education: Set of scientific works. Issue 5. Arkhangelsk, Pomorye State University, 2003. pp. 51-55. (in Russian)*
34. Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian Culture. Moscow, Academicheskii Proekt Publishing House, 2001. 990 p. (in Russian)
 35. Toporov V. N. From the history of the Russian literature. T. II: The Russian literature of the second half of the XVIII century: Studies, materials, publications. M. N. Muravyev: Introduction to the creative heritage. Book II. Moscow, Yaziki Russkoy Culture Publishing House, 2003. 921 p. (in Russian)
 36. Fedorov V. I. Art movement in the Russian literature of the XVIII century. Moscow, Prosveshchenie Publishing House, 1979. 156 p. (in Russian)
 37. The philological heritage of M. V. Lomonosov: a collective monograph / executive editors P. Ye. Bukharkin, S. S. Volkov, E. M. Matveyev. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publishing House, 2013. 480 p. (in Russian)
 38. Philosophical Dictionary / Under the editorship of I. T. Frolov. Moscow, Respublika Publishing House, 2001. 719 p. (in Russian)
 39. Shaitanov I. O. Thinking Muse: "Discovery of nature" in poetry of the 18th century. Moscow, Prometei Publishing House, 1989. 257 p. (in Russian)

Информация об авторах

Петров Алексей Владимирович

(Россия, Магнитогорск)

Доцент, доктор филологических наук, профессор
Кафедра языкознания и литературоведения
Институт гуманитарного образования
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова
E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Абрамзон Татьяна Евгеньевна

(Россия, Магнитогорск)

Доцент, доктор филологических наук
Профессор, заведующий кафедрой, директор
Кафедра языкознания и литературоведения
Институт гуманитарного образования
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова
E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Цуркан Вероника Валентиновна

(Россия, Магнитогорск)

Доцент, кандидат филологических наук, доцент
Кафедра языкознания и литературоведения
Институт гуманитарного образования
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова
E-mail: alexpetrov72@mail.ru

Information about the authors

Aleksey V. Petrov

(Russia, Magnitogorsk)

Associate Professor, Doctor of Science in Philology
Professor of Department of Linguistics
and Study of Literature
Institute of Humanities
Nosov Magnitogorsk State Technical University
alexpetrov72@mail.ru

Tatiana E. Abramzon

(Russia, Magnitogorsk)

Associate Professor
Doctor of Science in Philology
Professor of Department of Linguistics
and Study of Literature
Institute of Humanities
Nosov Magnitogorsk State Technical University
alexpetrov72@mail.ru

Veronika V. Tsurkan

(Russia, Magnitogorsk)

Associate Professor, PhD in Philology
Associate Professor of Department of Linguistics
and Study of Literature
Institute of Humanities
Nosov Magnitogorsk State Technical University
alexpetrov72@mail.ru